

Рафаэль Сабатини

ОДИССЕЯ КАПИТАНА БЛАДА

МОСКВА
2024

УДК 821.111-311.3
ББК 84(4Вел)-44
С12

Rafael Sabatini
CAPTAIN BLOOD: HIS ODYSSEY

Перевод с английского *Анатолия Горского*

Оформление серии «Всемирная литература» *Натальи Ярусовой*

Оформление серии КиС *Николая Ткача*

Сабатини, Рафаэль.

С12   Одиссея капитана Блада / Рафаэль Сабатини ; [перевод с английского А. Горского]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-181237-9 (Всемирная литература (с картинкой))

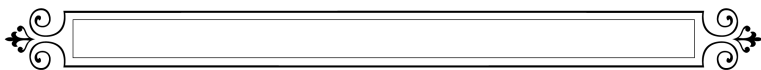
ISBN 978-5-04-200259-5 (Классическая и Современная литература)

Бакалавр медицины Питер Блад, обвиненный в государственной измене за то, что, верный клятве Гиппократата, оказал помощь раненому мятежнику, приговорен к каторжным работам в южных колониях Великобритании. Спустя полгода, совершив дерзкий побег с острова Барбадос на захваченном испанском галеоне, он начинает новую, полную приключений и опасностей жизнь капитана пиратского корабля и вскоре становится легендой берегового братства и грозой Карибского моря. Благородный разбойник, волей судьбы оказавшийся вне закона, но не утративший понятий о добре, чести и справедливости, — таков главный герой увлекательной корсарской одиссеи английского писателя Рафаэля Сабатини, которая стала первой книгой авторской трилогии об отважном капитане.

УДК 821.111-311.3
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-181237-9
ISBN 978-5-04-200259-5

© А. Горский, перевод на русский язык,
наследники, 2024
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА I

ПОСЛАНЕЦ

Питер Блад, бакалавр¹ медицины, закурив трубку, склонился над горшками с геранью, которая цвела на подоконнике его комнаты, выходявшей окнами на Уотер-лейн в городке Бриджуотер.

Блад не заметил, что из окна на противоположной стороне улицы за ним с укором следят чьи-то строгие глаза. Его внимание было поглощено уходом за цветами и отвлекалось лишь бесконечным людским потоком, заполнявшим всю узкую улочку. Людской поток вот уже второй раз с нынешнего утра струился по улицам городка на поле перед замком, где незадолго до этого Фергюсон, капеллан герцога, произнес проповедь, в которой было больше призывов к мятежу, нежели к Богу.

Беспорядочную толпу возбужденных людей составляли в основном мужчины с зелеными веточками на шляпах и с самым нелепым оружием в руках. У некоторых, правда, были охотничьи ружья, а кое у кого даже мечи. Многие были вооружены только дубинками; большинство же тащили огромные пики, сделанные из кос, страшные на вид, но малопригодные к бою. Среди этих импровизированных воинов были ткачи, пивовары, плотники, кузнецы, каменотесы, каменщики, сапожники и представители других мирных профессий. Бриджуотер, так же как и Таунтон, направил под знамена незаконно-

---

¹ *Бакалавр* — низшая ученая степень в старинных университетах, сохранившаяся до настоящего времени во многих странах.

рожденного герцога почти все свое мужское население. Для человека, способного носить оружие, попытка уклониться от участия в этом ополчении была равносильна признанию себя трусом и католиком.

Однако Питер Блад — человек, не знавший, что такое трусость, — вспоминал о своем католичестве только тогда, когда это ему требовалось. Способный не только носить оружие, но и мастерски владеть им, он в этот теплый июльский вечер ухаживал за цветущей геранью, покуривая трубку с таким безразличием, будто вокруг ничего не происходило, и, даже больше того, бросал время от времени вслед этим охваченным военной лихорадкой энтузиастам слова любимого им Горация¹: «Куда, куда стремитесь вы, безумцы?»

Теперь вы, быть может, начнете догадываться, почему Блад, в чьих жилах текла горячая и отважная кровь, унаследованная им от матери, происходившей из рода морских бродяг Сомерсетшира, оставался спокоен в самый разгар фанатичного восстания, почему его мятежная душа, уже однажды отвергшая ученую карьеру, уготованную ему отцом, была невозмутима, когда вокруг все бурлило. Сейчас вы уже понимаете, как он расценивал людей, спешивших под так называемые знамена свободы, расшитые девственницами Таунтона, воспитанницами пансионов мадемуазель Блейк и госпожи Масгров. Невинные девицы разорвали свои шелковые одеяния, как поется в балладах, чтобы сшить знамена для армии Монмута. Слова Горация, которые Блад презрительно бросал вслед людям, бежавшим по мостовой, указывали на его настроение в эту минуту. Все эти люди казались Бладу глупцами и безумцами, спешившими навстречу своей гибели.

Дело в том, что Блад слишком много знал о пресловутом Монмуте и его матери — красивой смуглой женщине, чтобы поверить в эту легенду о законности притязаний герцога на трон

---

¹ *Гораций* — римский поэт I в. до н.э.

английского короля. Он прочел нелепую прокламацию, расклеенную в Бриджуотере, Таунтоне и в других местах, в которой утверждалось, что «...после смерти нашего государя Карла II право на престол Англии, Шотландии, Франции и Ирландии со всеми владениями и подвластными территориями переходит по наследству к прославленному и благородному Джеймсу, герцогу Монмутскому, сыну и законному наследнику Карла II».

Эта прокламация вызывала у него смех, так же как и дополнительное сообщение о том, что «герцог Йоркский Яков¹ приказал отравить покойного короля, а затем захватил престол».

Блад не мог даже сказать, какое из этих сообщений было большей ложью. Третью своей жизни он провел в Голландии, где тридцать шесть лет назад родился этот самый Джеймс Монмут, ныне объявивший себя милостью Всевышнего королем Англии, Шотландии и т.д. и т.п. Блад хорошо знал настоящих родителей Монмута. Герцог не только не был законным сыном покойного короля, якобы сочетавшегося секретным браком с Люси Уолтерс, но сомнительно даже, чтобы Монмут был хотя бы его незаконным сыном. Что, кроме несчастий и разрухи, могли принести его фантастические притязания? Можно ли было надеяться, что страна когда-нибудь поверит этой небывлице? А ведь от имени Монмута несколько знатных вигов² подняли народ на восстание.

— «Куда, куда стремитесь вы, безумцы?»

Блад усмехнулся и тут же вздохнул. Как большинство самостоятельно мыслящих людей, он не мог сочувствовать этому восстанию. Самостоятельно же мыслить его научила жизнь. Более мягкосердечный человек, обладающий его кругозором и знаниями, несомненно, нашел бы немало причин для огорчения при виде толпы простых, ревностных протестантов, бежавших как стадо овец на бойню.

---

¹ Король Яков II, занявший престол Англии после смерти короля Карла II.

² *Виги* — политическая партия в Англии (XVII—XIX вв.), предшественница английской либеральной партии.

К месту сбора — на поле перед замком — этих людей сопровождали матери, жены, дочери и возлюбленные. Они шли, твердо веря, что оружие в их руках будет защищать право, свободу и веру. Как и всем в Бриджуотере, Бладу было известно о намерении Монмута дать сражение нынешней ночью. Герцог должен был лично руководить нападением на королевскую армию, которой командовал Февершем, — она стояла лагерем у Седжмура. Блад был почти уверен, что лорд Февершем прекрасно осведомлен о намерении своего противника. Даже если бы предположения Блада оказались ошибочными, он все же имел основания думать именно так, ибо трудно было допустить, чтобы командующий королевской армией не знал своих обязанностей.

Выбив пепел из трубки, Блад отодвинулся от окна, намереваясь его закрыть, и в это мгновение заметил, что из окна дома на противоположной стороне улицы за ним следили враждебные взгляды милых, сентиментальных сестер Питт, самых восторженных в Бриджуотере обожательниц красавца Монмута.

Блад улыбнулся и кивнул этим девушкам, с которыми находился в дружеских отношениях, а одну из них даже немного лечил. Ответом на его приветствие был холодный и презрительный взгляд. Улыбка тут же исчезла с тонких губ Блада; он понял причину враждебности сестер, возросшей с тех пор, как на горизонте появился Монмут, вскруживший головы женщин всех возрастов. Да, сестры Питт, несомненно, осуждали поведение Блада, считая, что молодой и здоровый человек, обладающий военным опытом, мог бы помочь правому делу, а он в этот решающий день остается в стороне, мирно покуривает трубку и ухаживает за цветами, в то время как все мужественные люди собираются примкнуть к защитнику протестантской церкви и готовы даже отдать за него свои жизни, лишь бы только он взшел на престол, принадлежащий ему по праву.

Если бы Бладу пришлось обсуждать этот вопрос с сестрами Питт, он сказал бы им, что, вдоволь побродив по свету и изведав множество приключений, он намерен сейчас

продолжить заниматься делом, для которого еще с молодости был подготовлен своим образованием. Он мог бы сказать, что он врач, а не солдат; целитель, а не убийца. Однако Блад заранее знал ответ. Они заявили бы ему, что сегодня каждый, кто считает себя мужчиной, обязан взять в руки оружие. Они указали бы ему на своего племянника Джереми, моряка по профессии, шкипера торгового судна, к несчастью для этого молодого человека недавно бросившего якорь в бухте Бриджуотера. Они сказали бы, что Джереми оставил штурвал корабля и взял в руки мушкет, чтобы защищать правое дело. Однако Блад не принадлежал к числу людей, которые спорят. Как я уже сказал, он был самостоятельным человеком.

Закрыв окна и задернув занавески, он направился в глубь уютной, освещенной свечами комнаты, где его хозяйка, миссис Барлоу, накрывала на стол. Обратившись к ней, Блад высказал вслух свою мысль:

— Я вышел из милости у девушек, живущих в доме через дорогу.

В приятном, звучном голосе Блада слышались металлические нотки, несколько смягченные и приглушенные ирландским акцентом, который не могли истребить даже долгие годы блуждания по странам. Весь характер этого человека словно отражался в его голосе, то ласковом и обаятельном, когда нужно было кого-то уговаривать, то жестком и звучащем как команда, когда следовало кому-то внушить повиновение. Внешность Блада заслуживала внимания: он был высок, худощав и смугл, как цыган. Из-под прямых черных бровей смотрели спокойные, но пронизывающие глаза, удивительно синие для такого лица. И этот взгляд, и правильной формы нос гармонировали с твердой, решительной складкой его губ. Он одевался во все черное, как и подобало человеку его профессии, но на костюме его лежал отпечаток изящества, говоривший о хорошем вкусе. Все это было характерно скорее для искателей приключений, каким он прежде и был, чем для степенного медика,

каким он стал сейчас. Его камзол из тонкого камлота¹ был обшит серебряным позументом, а манжеты рубашки и жабо украшались брабантскими кружевами. Пышный черный парик отличался столь же тщательной завивкой, как и парик любого вельможи из Уайтхолла².

Внимательно приглядевшись к Бладу, вы невольно бы задали себе вопрос: долго ли сможет такой человек прожить в этом тихом уголке, куда он случайно был заброшен шесть месяцев назад? Долго ли он будет заниматься своей мирной профессией, полученной им еще до начала самостоятельной жизни? И все же, когда вы узнаете историю жизни Блада, не только минувшую, но и грядущую, вы поверите — правда, не без труда, — что, если бы не превратность судьбы, которую ему предстояло очень скоро испытать, он мог бы долго еще продолжать тихое существование в глухом уголке Сомерсетшира, полностью довольствуясь своим скромным положением захолустного врача. Так могло бы быть...

Блад был сыном ирландского врача и уроженки Сомерсетширского графства. В ее жилах, как я уже говорил, текла кровь неугомонных морских бродяг, и этим, должно быть, объяснялась некоторая необузданность, рано проявившаяся в характере Питера. Первые признаки ее серьезно встревожили его отца, который для ирландца был на редкость миролюбивым человеком. Он заранее решил, что в выборе профессии мальчик должен пойти по его стопам, и Питер Блад, обладая способностями и жадой знаний, порадовал своего отца, двадцати лет от роду добившись степени бакалавра медицины в дублинском колледже. После получения столь радостного известия отец прожил только три месяца (мать умерла за несколько лет до этого), и Питер, наследовав после смерти отца несколько сот фунтов стерлингов, отправился поглядеть на мир, с тем чтобы удовлетворить свой неугомонный дух. Забавное стечение некоторых обстоятельств привело его на военную службу к голландцам, воевавшим

---

¹ *Камлот* — тонкое сукно из верблюжьей шерсти.

² *Уайтхолл* — резиденция английского правительства.

в то время с французами, а любовь к морю толкнула его во флот. Произведенный в офицеры знаменитым де Рёйтером¹, он участвовал в той самой морской битве на Средиземном море, когда был убит этот знаменитый флотоводец.

Полоса жизни Блада после подписания Неймегенского² мира нам почти совершенно неизвестна. Мы знаем, однако, что Питер провел два года в испанской тюрьме, но за что он попал туда, осталось для нас неясным. Быть может, именно благодаря этому он, выйдя из тюрьмы, поступил на службу к французам и в составе французской армии участвовал в боях на территории Голландии, оккупированной испанцами. Достигнув наконец тридцати двух лет, полностью удовлетворив некогда томившую его жажду приключений и чувствуя к тому же, что его здоровье пошатнулось в результате запущенного ранения, он вдруг ощутил сильнейшую тоску по родине и сел в Нанте на корабль, рассчитывая пробраться в Ирландию. Однако здоровье Блада во время путешествия ухудшилось, и, когда буря загнала его корабль в Бриджуотерскую бухту, он решил сойти на берег, тем более что здесь была родина его матери.

Таким образом, в январе 1685 года Блад прибыл в Бриджуотер, имея в кармане примерно такое же состояние, с каким одиннадцать лет назад он отправился из Дублина бродить по свету.

Место, куда попал Блад, ему понравилось, да и здоровье его здесь быстро восстанавливалось. После многих приключений, каких другой человек не испытает за всю свою жизнь, Питер решил обосноваться в этом городе и вернуться наконец к своей профессии врача, от которой он, с такой небольшой выгодой для себя, оторвался.

Такова краткая история Питера Блада или, вернее, та ее часть, которая закончилась в ночь битвы при Седжмуре, спустя полгода после его прибытия в Бриджуотер.

---

¹ *Михаил Адрианзон де Рёйтер* — голландский адмирал XVII в.

² *Неймеген* — город в Голландии, где в 1678–1679 гг. было подписано шесть мирных договоров, увенчавших войну Франции с Голландией, Испанией, Австрией, Швецией и Данией.

Считая, что предстоящее сражение не имеет к нему никакого отношения, — а это вполне соответствовало действительности, — и оставаясь равнодушным к возбуждению, охватившему в эту ночь Бриджуотер, Блад рано улегся спать. Он спокойно уснул задолго до одиннадцати часов, когда, как вы знаете, Монмут во главе повстанцев двинулся по дороге на Бристоль, чтобы обойти болото, за которым находилась королевская армия. Вы знаете также, что численное превосходство повстанцев и некоторое преимущество, заключавшееся в том, что повстанцы имели возможность напасть на сонную королевскую армию, оказались бесполезными из-за ошибок командования, и сражение было проиграно Монмутом еще до того, как началась рукопашная схватка.

Армии встретились примерно в два часа ночи. Блад не слышал отдаленного гула канонады. Только в четыре часа утра, когда начало подниматься солнце, разгоняя остатки тумана над печальным полем битвы, мирный сон Блада был нарушен.

Сидя в постели, он протирал глаза, пытаясь прийти в себя. В дверь его дома сильно стучали, и чей-то голос что-то бессвязно кричал. Этот шум и разбудил Питера. Полагая, что его срочно вызывают к какой-нибудь роженице, он набросил на плечи ночной халат, сунул ноги в туфли и выбежал из комнаты, столкнувшись на лестничной площадке с миссис Барлоу. Перепуганная грохотом, она ничего не понимала и металась без толку. Блад успокоил ее и спустился открыть дверь.

На улице в золотых лучах восходящего солнца стоял молодой человек в изодранной одежде, покрытой грязью и пылью. Он тяжело дышал, глаза его блуждали. Находившаяся рядом с ним лошадь была в пене. Человек открыл рот, но дыхание его прерывалось, и он ничего не мог произнести.

Блад узнал в нем молодого шкипера Джереми Питта, племянника девушек, которые жили напротив его дома. Улица, разбуженная шумным поведением моряка, просыпалась: открывались двери, распахивались ставни окон, из которых выглядывали головы озабоченных и недоумевающих соседей.

— Спокойней, спокойней, — сказал Блад. — Поспешность никогда к добру не приводит.

Однако юноша, в глазах которого застыл ужас или, быть может, страх, не обратил внимания на эти слова. Кашляя и задыхаясь, он наконец заговорил:

— Лорд Гилдой тяжело ранен... он сейчас в усадьбе Оглторп... у реки... я перетащил его туда... он послал меня за вами... Скорее к нему... скорей!

Он бросился к доктору, чтобы силой увлечь его за собой в ночном халате и в домашних туфлях, но доктор уклонился от тянущихся к нему рук.

— Конечно, я поеду, — сказал он, — но не в этом же наряде.

Блад был расстроен. Лорд Гилдой покровительствовал ему со дня его приезда в Бриджуотер. Бладу хотелось отплатить чем-нибудь за хорошее отношение к нему, и он был искренне огорчен тем, что для этого представился такой печальный случай. Ему хорошо было известно, что молодой аристократ был одним из горячих сторонников герцога Монмута.

— Конечно, я поеду, — повторил Блад, — но прежде всего мне нужно одеться и захватить с собой то, что нам может понадобиться.

— Мы теряем время!

— Спокойно, спокойно. Мы доедем скорее, если не будем спешить. Войдите и подождите меня, молодой человек...

Жестом руки Питт отклонил его предложение:

— Я подожду здесь. Ради бога, поспешите!

Блад быстро поднялся наверх, чтобы одеться и захватить сумку с инструментами.

Расспросить о ранениях лорда Гилдоа он мог по дороге в усадьбу Оглторп. Обуваясь, Блад разговаривал с миссис Барлоу, дал ей несколько поручений, распорядившись заодно и насчет обеда, которого, увы, ему так и не суждено было отведать.

Когда доктор наконец спустился на улицу вместе с миссис Барлоу, кудахтавшей, как обиженная наседка,

он нашел молодого Питта в окружении толпы напуганных и полуодетых горожан. В большинстве это были женщины, поспешно сбежавшиеся за новостями о битве. Не составляло труда догадаться, какие именно новости сообщал им Питт, ибо утренний воздух сразу же наполнился плачем и горестными стенаниями.

Увидев доктора, уже одетого и с сумкой для инструментов под мышкой, Питт освободился от окружавшей его толпы, стряхнул с себя усталость и отстранил обеих своих тетушек, в слезах цеплявшихся за него. Схватив лошадь за уздечку, он вскочил в седло.

— Поехали! — закричал он. — Садитесь позади меня!

Не тратя слов, Блад последовал этому совету, и Питт тут же дал шпоры лошади. Толпа расступилась. Питер Блад сидел на крупе лошади, отяжеленной двойным грузом. Держась за пояс своего спутника, он начал свою одиссею. Питт, которого Блад считал только посланцем раненого мятежника, на самом деле оказался посланцем Судьбы.

ГЛАВА II

ДРАГУНЫ КИРКА

Усадьба Оглторп стояла на правом берегу реки примерно в миле от Бриджуотера. Это был серый приземистый, в стиле эпохи Тюдоров, дом, фундамент которого покрывала густая зелень плюща. Приближаясь к усадьбе на дороге, проходившей среди душистых фруктовых садов, мирно дремавших на берегу Парретта, искрившегося под лучами утреннего солнца, Блад с трудом мог поверить, что находится в стране, раздираемой кровопролитной междоусобицей.

На мосту, при выезде из Бриджуотера, их встретил авангард усталых, измученных беглецов с поля битвы. Среди них было много раненых. Напрягая остатки своих сил, они торопливо ковыляли в город, тщетно надеясь найти там кров и защиту. Их

глаза, выражавшие усталость и страх, жалобно глядели на Блада и его спутника. Несколько охрипших голосов предупредили их, что погоня уже близка. Однако молодой Питт, не обращая внимания на предупреждения, мчался по пыльной дороге, на которой количество беглецов из-под Седжмура все увеличивалось.

Вскоре он свернул в сторону на тропинку, проходившую через луга, покрытые росой. Даже здесь им встречались разрозненные группы беглецов, разбегающихся во всех направлениях. Пробиваясь сквозь высокую траву, они боязливо оглядывались, ожидая, что вот-вот покажутся красные камзолы королевских драгун.

Но поскольку Питт и его спутник приближались к месту расположения штаба Февершема, человеческие обломки битвы вскоре перестали уже им встречаться.

Сейчас мимо них тянулись мирные фруктовые сады: деревья были отягощены плодами, но никто не собирал их, хотя время приготовления сидра уже наступило.

Наконец они спешили на каменные плиты двора, где их приветствовал опечаленный и взволнованный владелец усадьбы — Бэйнс.

В огромной комнате с каменным полом доктор нашел лорда Гилдоя — высокого человека с массивным подбородком и крупным носом. Его лицо покрывала свинцовая бледность, он лежал с закрытыми глазами, вытянувшись на сделанной из тростника кушетке, стоявшей у большого окна. Лорд с трудом дышал, и с каждым вздохом с его синих губ срывались слабые стоны. Около раненого хлопотали жена Бэйнса и его миловидная дочь.

Несколько минут Блад молча рассматривал своего пациента, сожалея, что этот молодой аристократ с блестящим будущим должен был рисковать всем — и, вероятно, даже своей жизнью — ради честолюбия бесчестного авантюриста. Вздохнув, Блад опустил на колени перед раненым и, приступая к своим профессиональным обязанностям, разорвал его камзол и нижнее белье, чтобы обнажить изуродованный бок молодого лорда, а затем велел принести воды, полотна и все, что ему требовалось.

Полчаса спустя, когда драгуны ворвались в усадьбу, Блад все еще занимался раненым, не обращая внимания на стук копыт и грубые крики. Его вообще нелегко было вывести из равновесия, особенно когда он был поглощен своей работой. Однако раненый, придя в сознание, проявил серьезную озабоченность, а Джереми Питт, одежда которого выдавала его причастность к событиям, поспешил спрятаться в бельевом шкафу. Владелец усадьбы заметно волновался, его жена и дочь дрожали от страха, и Бладу пришлось их успокаивать.

— Ну чего вы боитесь? — говорил он. — Ведь мы же живем в христианской стране, а христиане не воюют с ранеными и с теми, кто их приютил.

Блад, как можно судить по этим словам, еще питал какие-то иллюзии в отношении христиан. Затем он поднес к губам раненого стакан с лекарством, приготовленным по его указаниям:

— Успокойтесь, лорд. Худшее уже позади.

В это мгновение в комнату с грохотом и бряцанием ворвалось человек двенадцать драгун Танжерского полка, одетых в камзолы цвета вареного рака. Драгунами командовал мрачный коренастый человек в мундире, обильно расшитом золотыми позументами.

Бэйнс остался стоять на месте в полувызывающей позе, а его жена и дочь отпрянули в сторону. Блад, сидевший у изголовья больного, обернулся и взглянул на ворвавшихся.

Офицер приказал солдатам остановиться, а затем, позвякивая шпорами и держа руку в перчатке на эфесе своей сабли, важно прошел вперед еще несколько шагов.

— Я — капитан Гобарт из драгун полковника Кирка, — сказал он громко. — Вы укрываете мятежников?

Бэйнс, встревоженный грубым тоном военного, пробормотал дрожащим голосом:

— Я... я не укрыватель мятежников, сэр. Этот джентльмен ранен...

— Это ясно без слов! — прикрикнул на него капитан и, тяжело ступая, подошел к кушетке. Мрачно нахмурясь,

он наклонился над лордом. Лицо раненого приняло серо-землистый оттенок. — Нет нужды спрашивать, где ранен этот проклятый мятежник... Взять его, ребята! — приказал он своим драгунам.

Но тут Блад загородил собою раненого.

— Во имя человечности, сэръ! — сказал он с ноткой гнева в голосе. — Мы живем в Англии, а не в Танжере. Этот человек тяжело ранен, его нельзя трогать без опасности для жизни.

Заступничество доктора рассмешило капитана:

— Ах, так я еще должен заботиться о здоровье мятежников! Черт побери! Вы думаете, что мы будем его лечить? Вдоль всей дороги от Вестона до Бриджуотера расставлены виселицы, и он подойдет для любой из них. Полковник Кирк научит этих дураков-протестантов кое-чему такому, о чем будут помнить их дети, внуки и правнуки!

— Вешать людей без суда?! — воскликнул Блад возмущенно. — Я, наверное, ошибся. Очевидно, мы сейчас не в Англии, а в Танжере, где стоял когда-то ваш полк.

Гобарт внимательно посмотрел на доктора, и во взгляде капитана начал разгораться гнев. Разглядывая Блада с ног до головы, он обратил внимание на его сухощавое, мускулистое телосложение, надменную посадку головы, на тот заметный налет властности, который так мало соответствовал профессии доктора, и, сам будучи солдатом, узнал солдата и в Бладе. Глаза капитана сузились. Он начал кое-что припоминать.

— Кто вы такой, черт бы вас побрал? — закричал он.

— Моя фамилия — Блад, Питер Блад. К вашим услугам.

— А... ага... Припоминаю вашу фамилию. Вы служили во французской армии, не так ли?

Если Блад и был удивлен, то не показал этого:

— Да, служил.

— Так, так... Лет пять назад или около того вы были в Танжере?

— Да, я знал вашего полковника.

— Клянусь честью, я помогу вам возобновить это знакомство! — И капитан неприятно засмеялся. — Как вы здесь очутились?

— Я врач, и меня привезли сюда для оказания помощи раненому.

— Вы — доктор?

В голосе Гобарта, убежденного в том, что Блад лжет, прозвучало явное презрение.

— *Medicinae baccalaureus*, — ответил Блад латинским термином, означавшим в переводе «бакалавр медицины».

— Не тычьте мне в нос вашим французским языком! — свирепо закричал Гобарт. — Говорите по-английски!

Улыбка Блада раздражала и бесила капитана.

— Я — врач, практикующий в городе Бриджуотере.

Гобарт криво усмехнулся:

— А в этот город вы приехали из Лаймского залива¹, сопровождая вашего приبلудного герцога?

Насмешливая улыбка скользнула по губам Блада:

— Если бы ваш ум был бы так же остер, как громоподобен ваш голос, то вы давно уже были бы великим человеком.

Драгун на мгновение потерял дар речи, и на лице его выступил густой румянец.

— Вы убедитесь, что я достаточно велик, когда вас повесят! — прохрипел он злобно.

— Не сомневаюсь, — спокойно сказал Блад. — У вас и внешность, и манеры палача. Однако если вы попрактикуетесь в вашем ремесле на моем пациенте, то этим самым завяжете петлю на собственной шее. Он не принадлежит к категории людей, которых вы можете вздернуть, не задавая вопросов. Он имеет право требовать суда, суда пэров².

— Суда пэров?

---

¹ *Лаймский залив* — место высадки Монмута.

² По английским законам лорда (пэра) могут судить только лица, имеющие звание лордов (пэров), выделяемые верхней палатой (палатой лордов) английского парламента.

Капитан был ошеломлен этими двумя словами, подчеркнутыми Бладом.

— Разумеется. Любой человек, если он не идиот или не дикарь, прежде чем посылать человека на виселицу, спросил бы его фамилию. Этот человек — лорд Гилдой.

Тут раненый пошевелился и слабым голосом произнес:

— Я не скрываю своей связи с герцогом Монмутским и готов отвечать за все последствия. Однако, с вашего разрешения, я буду отвечать за эти последствия перед судом пэров, как правильно заметил доктор.

Он умолк, и в комнате воцарилось молчание. Как у многих хвастливых людей, в натуре Гобарта таилась значительная доля робости, и сообщение о титуле раненого разбудило в нем это чувство. Будучи раболепствующим выскочкой, он благоговел перед титулами. Но наряду с этим капитан трепетал и перед своим полковником, потому что Перси Кирк не прощал ошибок своим подчиненным.

Жестом руки Гобарт остановил своих людей. Он должен был все обдумать и взвесить. Заметив его нерешительность, Блад добавил еще один аргумент, давший Гобарту пищу для дополнительных размышлений:

— Запомните, капитан, что лорд Гилдой имеет в лагере тори¹ друзей и родственников, которые не преминут сказать кое-что полковнику Кирку, если с его светлостью обойдутся, как с обычным уголовным преступником. Будьте осторожны, капитан, или, как я уже сказал, нынче утром вы сплетете веревку себе на шею.

Капитан Гобарт с презрением отмахнулся от этого предупреждения, хотя на самом деле и учел его.

— Возьмите кушетку! — приказал он. — И доставьте на ней арестованного в Бриджуотер, в тюрьму.

— Он не перенесет этого пути, — запротестовал Блад. — Его нельзя сейчас трогать.

---

¹ *Тори* — политическая партия, выражавшая интересы крупной земельной аристократии и высшего духовенства. В середине XIX в. была преобразована в консервативную партию.

— Тем хуже для него. Мое дело — арестовывать мятежников! — И жестом руки он подтвердил ранее отданное им приказание.

Двое его людей подняли кушетку и направились с ней к двери. Гилдой сделал слабую попытку протянуть Бладу руку.

— Я ваш должник, доктор, — сказал он, — и если выживу, то постараюсь заплатить этот долг.

Вместо ответа Блад только поклонился, а затем сказал солдатам:

— Несите осторожно, ибо от этого зависит его жизнь.

Как только Гилдия унесли, капитан оживился и, повернувшись к Бэйнсу, спросил:

— Ну, кого еще из проклятых мятежников вы укрываете?

— Больше никого, сэр. Его светлость...

— Мы уже разделились с его светлостью. А вами займемся, как только обыщем дом, и, клянусь Богом, если вы мне лжете...

Он прорычал соответствующее приказание своим драгунам; трое из них тут же вышли в соседнюю комнату, откуда через минуту послышался производимый ими грохот. Между тем капитан внимательно осматривал комнату, простукивая панели рукояткой пистолета.

Блад, считая, что ему не следует здесь больше задерживаться, сказал, обращаясь к Гобарту:

— С вашего разрешения, хочу пожелать вам всего хорошего, капитан.

— С моего разрешения, вы здесь еще задержитесь! — резко ответил ему Гобарт.

Блад пожал плечами и сел.

— Вы нестерпимо скучны, — сказал он. — Удивляюсь, как этого еще не заметил ваш полковник.

Однако капитан не обратил на него внимания, ибо, нагнувшись, чтобы поднять чью-то потрепанную и запыленную шляпу, заметил прикрепленный к ней маленький пучок дубовых веток. Шляпа лежала у бельевого шкафа, где прятался бедный Питт.